

Пронзенный горем принц снова опустил взгляд на невесомый листок у себя в руках: в письме было от силы десятков строк... Его печаль оказалась тяжелой, точно рухнувшая гора!

Он со стоном и гулким «бах» плюхнулся в кресло возле чайного столика, да так, что подпрыгнул пол.

«Кроличья княгиня», испугавшись, с красным свадебным покрывалом на голове перемахнула на стол и удрала, обронив по дороге еще пару клочков шерсти.

Седьмой принц подпер лоб рукой, на его лице застыло крайнее отчаяние.

— Что случилось? — взволнованно спросил наследный принц.

— Лу Цзыяо бросил меня, — ответил седьмой принц с закрытыми глазами, его голос звучал хрипло и глухо.

— Как бросил? — попытался успокоить брата наследный принц. — Лу Цзыяо же написал тебе письмо?

— Всего одну страничку, — с невыразимой болью проговорил седьмой принц. — А тебе, старший брат, он накатал целое собрание сочинений!

— Да не так уж и много! — Наследный принц похлопал пачкой писем у себя в руках. — Тут всего четырнадцать страниц.

Седьмой принц: «...»

Иллюзия, будто в той пачке от силы страниц двенадцать, разлетелась в прах благодаря старшему брату!

Тем временем в уезде Пинжун Лу Цзыяо, занятый изготовлением мыла, как раз болтал с Чжан Сы:

— Я подробно описал в письме всю жуть, что здесь творится. Наследный принц ведь не останется в стороне?

Чжан Сы успокоил его:

— Не останется. Его высочество наследный принц искренне печется о простом народе.

Лу Цзыяо кивнул, и в тот же миг в его голове прозвучало оповещение системы: [Чувство безопасности Лу Цзя: -10].

Как гром среди ясного неба!

Чжан Сы решил, что случилась беда, настороженно огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Повернувшись к убитому горем Лу Цзыяо, он растерянно спросил:

— Ты... что с тобой?

Три дня спустя Лу Цзыяо и Чжан Сы вместе с уездными стражниками прибыли на западную окраину и повели с собой более пятисот жителей деревень в отдаленное горное ущелье, заранее обустроенное под карантин.

Среди этих пятисот человек не все были заражены чумой. Некоторые просто почувствовали недомогание, простудились или закашляли и, испугавшись смерти, пришли просить о помощи. Других привели силой, потому что односельчане заподозрили у них болезнь.

Всего по уезду набралось около трехсот зараженных.

Такое скромное число объяснялось вовсе не успехом в сдерживании болезни, а тем, что инфицированные умирали слишком быстро. Живых больных осталось не так много, а сосчитать погибших уже не представлялось возможным.

Именно из-за молниеносного развития недуга несчастным не оставалось ничего другого, кроме как уповать на помощь «живого божества». Из-за того, что болезнь уносила жизни всего за несколько дней, у строптивых больных просто не оставалось времени выкидывать фортели.

К счастью, особенности рельефа уезда и обычай жителей селиться разобщенно, на большом расстоянии друг от друга, дали Лу Цзыяо необходимую фору. Прибыв на место, Лу Цзыяо первым делом заставил прекратить религиозные обряды и жертвоприношения, организовал раздачу мыла и дезинфицирующих средств, начал истреблять блох и крыс, а также принудил уездные власти сжигать тела вымерших семей. Это существенно замедлило распространение инфекции.

Сыграло роль и то, что чума пока оставалась преимущественно в форме бубонной чумы — легочная чума только-только проявилась и еще не успела набрать страшную заразность. Успешное распределение больных по карантинным зонам подарило Лу Цзыяо надежду на победу над эпидемией.

Когда толпа подошла к ущелью, Лу Цзыяо велел всем сесть на землю поодаль друг от друга и лично принялся за осмотр и сортировку больных.

Бубонная чума и легочная чума требовали строго отдельного изолятора. У первых смертность была чуть ниже, и при должном лечении оставался шанс выжить. Вторые же были невероятно заразны, а летальный исход наступал почти в ста процентах случаев, поэтому их отправляли в совершенно другое место.

Лу Цзыяо разделил людей на три группы: больных бубонной чумой разместили в самом ущелье, страдавших легочной чумой отправили еще дальше, а тех, чей диагноз вызывал сомнения, поместили в отдельную промежуточную зону.

Больных расселили по палаткам по четыре человека. Стражникам поручили ежедневно варить снадобья по разным рецептам — практически для каждой палатки готовили свой отвар.

Приходилось обходиться сборами трав, поскольку лишь их можно было достать на месте. За все эти годы антибиотики, выпавшие Лу Цзыяо в магазине системы, состояли в основном из пенициллина. Запас был невелик, и его требовалось беречь на случай, если в будущем наследный принц отправится в поход и получит ранение с заражением крови.

Стрептомицина, эффективного при чуме, у него имелась лишь капля — если считать по курсу на семь дней, лекарства хватило бы ровно на одного человека, так что этот вариант не принимался в расчёт. Ничего не поделаешь, оставалось только опробовать все древние рецепты, о которых он когда-либо читал.

Состояние поступавших в карантин отличалось, и каждый день умирало по двадцать-тридцать человек.

В зоне легочной чумы болезнь развивалась стремительнее всего: уже на второй день скончалась треть больных, они даже не успевали пригубить целебный отвар.

Массовая гибель людей наводила ужас. Находившимся в карантине казалось, будто они попали в преисподнюю.

На закате третьего дня несколько больных попытались бежать, но обнаружили, что выходы из ущелья перекрыты, а у заграждений дежурит стража с обнаженными клинками.

Беглецы тут же вернулись и подняли всех, кто еще мог двигаться, крича, что приехавший из столицы даос хочет запереть их вместе с бесами мора и сжечь дотла, а выходы заблокированы, чтобы отдать всех на расправу духу чумы.

Так вспыхнул первый бунт. Лу Цзыяо разбудили среди ночи, и он вместе с прибежавшим посыльным стражником помчался к месту событий.

Нельзя было допустить эскалации, нужно было немедленно успокоить людей. Иначе если слухи просочатся наружу и поднимется паника, новые заболевшие обязательно попытаются сбежать или скрыться, что сорвет всю работу по карантину.

Глубокой ночью Лу Цзыяо стоял у выезда из ущелья. Свет факелов выхватывал из тьмы за деревянной оградой искаженные ужасом синюшно-серые лица умирающих.

— За что нас здесь заперли?! Мы не совершали никаких преступлений! — один из больных изо всех сил врезался телом в ворота.

Стражники невольно отступили на шаг.

Лу Цзыяо же не шелохнулся. Спокойным, ровным голосом он произнес:

— Земляки, не поймите неправильно. На эту ограду наложено наговорное заклятие, и древо сие служит лишь для удержания бесов чумы, а вовсе не для того, чтобы ущемлять свободу невинных людей.

— Ты же обещал изгнать чуму! — зарыдал кто-то в толпе. — А попав сюда, людидохнут один за другим!

— Не волнуйтесь, присядьте на землю, чтобы болезнь не обострилась, — всё так же безмятежно откликнулся Лу Цзыяо. — Посудите сами: все, кого привезли сюда, уже были одержимы бесом чумы. Неужели, останься вы дома, вы бы выжили? Вы держитесь в этой формации Багуа уже три дня, а некоторые заразились еще за три дня до прихода сюда. Каждому из вас известно: если нападает такой бес, смерть наступает за два-пять дней. Без помощи вы угасли бы еще быстрее. Когда заболевшие собраны в одном месте, кажется, будто умирает слишком много. Но вернись вы по домам — опасности станет вдвое больше. Оставаясь же здесь и принимая снадобья, спустя семь дней вы с вероятностью в пятьдесят процентов пойдете на поправку. А продержавшись четырнадцать дней, полностью исцелитесь, и в вашем теле созреет духовное зерно устойчивости к мору — после этого никакой бес чумы вам будет не страшен.

Гнев и ропот больных наконец улеглись.

Причиной бунта был животный страх, и заверения Лу Цзыяо о возможности исцеления и обретения иммунитета подарили людям надежду.

Спустя еще четыре дня в карантинной зоне действительно появились те, чье состояние пошло на лад.

Поскольку выздоровевший человек приобретал иммунитет, Лу Цзыяо привлекал поправлявшихся пациентов к работе и уходу за тяжелыми больными, где требовался опасный контакт.

Рецепты, показавшие наилучший результат, Лу Цзыяо отобрал для массового применения.

Благодаря тому, что в разных палатках использовались разные составы, всего за неделю ему удалось выделить три крайне эффективных рецепта. Контроль над заболеванием возрос во много раз, а доверие больных к «даосу» укреплялось с каждым днем.

Те же, кто полностью вылечился, и вовсе почитали Лу Цзыяо как сошедшего на землю бодхисаттву Гуаньинь — они работали не покладая рук и с глубочайшим благоговением.

Спустя полмесяца заболеваемость в уезде резко пошла на спад, и число новых поступающих сокращалось с каждым днем.

Когда Лу Цзыяо выходил на улицы, горожане и сельчане падали ниц, словно перед бессмертным святым, и со слезами на глазах молили о благословении.

Однако вскоре стражник, принимавший участие в сжигании погибших, проболтался о том, как именно поступают с трупами умерших в карантине.

Проблема, которой Лу Цзыяо опасался больше всего, все-таки всплыла наружу.

Он продумывал множественные способы обмануть и успокоить народ, к примеру: «Нужно успеть предать тело огню до того, как бес чумы покинет мертвеца, иначе он вырвется и перекинется на живого человека».

Такое объяснение с трудом, но укладывалось в головах здоровых крестьян и части родственников, однако сами заболевшие категорически не желали с этим мириться.

Стоило больным воспротивиться, как они могли бежать или начать мстить обществу.

Но не сжигать тела было нельзя: если бы родные забрали покойников домой для похоронных обрядов, вспыхнула бы новая волна заражений.

Требовалось действовать решительно и быстро.

К его удивлению, когда весть разнеслась по уезду, едва ли не все жители встали на сторону Лу Цзыяо.

Селяне, не дожидаясь пояснений, сами вызвались поддержать любые меры «живого божества» по избавлению от мора.

Факты говорили убедительнее любых слов: заключительный этап противоэпидемической работы Лу Цзыяо уже привел к тому, что в нескольких деревнях чума исчезла без следа.